

Алекс Тупиков

Артбук : Новый Жанр

18+

Алекс Твиркель
Арбитр: новый баланс

«Автор»

2026

Твиркель А.

Арбитр: новый баланс / А. Твиркель — «Автор», 2026

Прошёл год после гибели Арбитра. Элизабет ОКоннелл и её команда работают в серой зоне, опережая интернет-линчевателей. Но появляется новый игрок — «Правдолюб», который не оставляет весы, а взламывает эфир и устраивает публичные казни репутаций. Он даёт им 72 часа, иначе сам вынесет приговор. Исчезает свидетельница по старому делу Морозовой. В руинах здания суда они находят тайник с доказательствами, ведущими к сенатору Ричарду Локку — неприкасаемому хозяину города. За ними охотятся частная армия, ФБР и цифровой призрак, который использует их как оружие. Ставка — не просто правда, а выживание. И когда рушатся последние оплоты закона, они сами становятся теми, кого боится система.

© Твиркель А., 2026

© Автор, 2026

Алекс Твиркель

Арбитр: новый баланс

Глава 1: Отсроченный ответ

А латунные весы в ящике молчали, храня в своей холодной тяжести память о всех ценах, заплаченных за правду, и о всех долгах, которые ещё предстояло вернуть.

Спустя год тишина в «Лаборатории» стала иной. Не благополучной, но обжитой. Воздух, пропахший озоном, пылью и старым кофе, был наполнен лёгким гулом серверов. Элизабет О'Коннелл сидела перед монитором, её лицо освещалось холодным синим свечением экрана. На нём — форум «Весы Фемиды». Он кипел, как рана, которую не давали затянуться.

Прошёл год с той ночи на крыше «Королевского моста». Год с тех пор, как команда перестала существовать официально и начала работать в серой зоне. Их «Лаборатория» в заброшенном фото-копировальном центре стала чем-то вроде ковчега для потерянных душ полицейского управления Чикаго. Майкл Дэвис, теперь просто гражданский с тенью в глазах, вёл стратегию. Сара Джонсон, бывший криминалист, стала их технарем и следопытом в цифровых джунглях. Томас Браун, повзрослевший на десять лет за двенадцать месяцев, был их глазами и ушами на улице.

Их метод был прост: находить цели из списков, что плодились на форумах, опережать самосуд, выкапывать реальные, неоспоримые доказательства и анонимно сбрасывать их проверенным журналистам или честным прокурорам. Они не судили. Они вскрывали гнойники, надеясь, что система, хоть и скрипя, начнёт их лечить.

Но баланс был шатким. За двенадцать месяцев они «обработали» семь дел. Два — успели до того, как на форуме загорелись красным. Четыре — уже после первых угроз. Одно сорвалось: цель, коррумпированный чиновник из департамента транспорта, успел скрыться, почуяв опасность. Теперь его искали и «Новый Баланс» с форума, и полиция. Гонка со временем стала их постоянным состоянием.

Элизабет потянулась к кружке с остывшим чаем. На полке над её столом всё так же стояли латунные весы. Но теперь они не казались ей только символом мщения. Они стали гирькой, мерой их собственной ответственности. Напоминанием о том, как легко скатиться в пропасть, пытаясь восстановить равновесие.

— Элизабет, — голос Сары был сухим, лишённым эмоций, как отчёт. — Пришло новое сообщение на форум. От нового ника.

Элизабет повернулась.

— От «Нового Баланса»?

— Нет. От «Правдолюбя».

Слово ударило её, как ток. Оно вырвалось прямо из детского дневника Виктора. Из записи, где тётя Ира называла его «правдолюбом».

— Что пишет? — спросила Элизабет, чувствуя, как в животе холодеет.

Сара прочла вслух, её голос был ровным, но в воздухе повисло напряжение:

— «Я читаю ваши дневники. Смотрю ваши кассеты. Вопрос остаётся тем же. Кто, если не мы? Жду ответа не словами. Делами.»

В «Лаборатории» воцарилась тишина, нарушаемая только гулом оборудования. Томас, разбиравший папки у дальнего стола, замер. Дэвис, сидевший в углу с распечатками, медленно поднял голову.

— Это он, — тихо сказал Томас. — Или кто-то, кто знает. Очень много знает.

— Это может быть провокация, — глухо произнёс Дэвис. — ФБР или кто-то из системы. Они могли выйти на след дневника.

— Но «ваши кассеты»? — возразила Сара. — У ФБР есть дневник из мастерской, но кассеты... кассеты с семейным архивом Виктора были только у него. И, возможно, у...

Она не договорила. Элизабет закончила мысль про себя: «...у меня в памяти. И у того мальчика на экране, которого больше нет.»

— Это не провокация, — сказала Элизабет, вставая. Её голос звучал твёрдо, но внутри всё сжалось в холодный ком. — Это эстафета. Его вопрос теперь задают нам. Прямо.

Она подошла к окну, заклеенному плёнкой. На улице был серый чикагский вечер 2017-го. Город жил, не зная, что в его подполье, в цифровых тенях, вызревают новые бури. Падение Гриффина вскрыло язву, но не вылечило болезнь. Система зализывала раны, делая вид, что всё под контролем. А в интернете росло новое поколение тех, кто разуверился в лекарствах и жаждал прижигания горячим железом.

— «Правдолюб», — прошептала Элизабет, глядя на отражение своего усталого лица в тёмном стекле. — Хорошо. Ты хочешь дел? Увидим, что ты будешь делать, когда правда ударит тебе в лицо. Не из-за угла. А с экрана новостей, с официальным гербом прокуратуры на бланке.

Она повернулась к команде.

— Сара, всё, что есть на этого «Правдолюба». Все следы, все намёки. Томас, подключи все свои уличные источники. Слушай, не болтают ли в тёмных уголках о новом «суде». Майкл... — она посмотрела на бывшего капитана. — Нам нужен следующий кейс. Что-то серьёзное. Что-то, что заставит эту тварь замолчать или вылезти на свет.

Дэвис кивнул, его лицо было жёстким.

— Уже есть. Чиновник из департамента строительства. Линда Кинг передавала намёки ещё месяц назад. Боялась говорить. Сейчас «Новый Баланс» вывесил его имя в списке «неэффективного правосудия». Срок — две недели.

— Линда Кинг, — повторила Элизабет, вспоминая имя из старого списка. Бывшая коллега того самого детектива Громова по делу тёти Иры. Которая молчала много лет. — Почему сейчас?

— Не знаю, — честно сказал Дэвис. — Но она хочет встречи. Говорит, что у неё есть кое-что по старому делу. По делу Морозовой.

В воздухе снова повисла тяжёлая тишина. Старое дело. Корни, уходящие в самую сердцевину этой истории.

— Договорись о встрече, — приказала Элизабет. — Тихо. Лично. И начинаем копать по этому чиновнику. У нас две недели, чтобы вытащить на свет всё его гнилое нутро и передать туда, где это сработает легально.

Она вернулась к своему столу, к холодному синему свету монитора. На форуме ник «Правдолюб» уже не светился. Он сказал своё слово и растворился в цифровом мраке, оставив после себя только вопрос, который теперь висел над ними, как дамоклов меч.

Элизабет потянулась к верхнему ящику, открыла его. Там, рядом с «Глоком», лежали латунные весы. Она взяла их в руки. Металл был холодным, почти живым. Она положила весы на стол перед монитором.

«Хорошо, „Правдолюб“, — подумала она, глядя на пустые чаши. — Ты задал вопрос. Теперь мы дадим ответ. И посмотрим, чья правда окажется тяжелее».

Снаружи завыл ветер, предвещая дождь. Буря ещё не началась. Но её первые, далёкие раскаты уже были слышны.

Глава 2: Цена молчания

Встреча была назначена в нейтральном месте — публичной библиотеке в районе Уикер-Парк. Элизабет пришла раньше, выбрав стол в дальнем углу зала с редкими книгами. Воздух здесь пах старыми переплётами, пылью и тишиной — не той, что в «Лаборатории», а затхлой, музейной.

Она увидела Линду Кинг сразу. Женщина лет пятидесяти, в простом тёмном пальто, с лицом, на котором годы страха и невысказанных слов вырезали глубокие морщины. Она двигалась осторожно, оглядываясь, как дикое животное у водопада.

— Миссис Кинг, — тихо сказала Элизабет, когда та приблизилась.

Женщина вздрогнув, села, крепко сжимая потрепанную кожаную сумку на коленях.

— Вы... вы та самая? — её голос был хриплым, шёпотом.

— Я та, кому вы написали, — уклончиво ответила Элизабет. — Вы сказали, у вас есть информация.

Линда Кинг нервно облизала губы, её взгляд бегал по рядам полок.

— Я не должна была... Громов, он... он ведь мёртв уже. Инфаркт два месяца назад во Флориде. Но перед смертью он... он позвонил мне.

Элизабет насторожилась.

— Что он сказал?

— Он был пьян. И напуган. Говорил, что за ним следят. Что «они» не простят ему старых грехов. Он бормотал про дело той женщины... Морозовой. Говорил, что это было не просто ДТП. И что не он один получил деньги, чтобы замаять это.

— Кто ещё? — спросила Элизабет, слегка наклонившись вперёд.

— Он не назвал имён. Только... только сказал: «Тот, кто тогда был зелёным помощником, сейчас носит мантию. А тот, кто подписывал приказы, теперь строит небоскрёбы». И ещё... — она замаялась, — ...про какой-то «фармацевтический кейс». Говорил, что это всё связано. Как паутина.

Элизабет мысленно перебрала список. «Зелёный помощник» — могла быть Патриция Хьюз, но она уже получила своё. «Тот, кто подписывал приказы» — Гриффин? Но он под домашним арестом. «Строит небоскрёбы»... Возможно, кто-то из строительного бизнеса, связанный с девелопером, чей сын был за рулём? А «фармацевтический кейс»... Роберт Грин? Или кто-то ещё?

— Почему вы решили рассказать именно сейчас? — спросила Элизабет.

Женщина посмотрела на неё глазами, полными усталого, беспросветного страха.

— Потому что я видела, что вы сделали с Гриффином. Неофициально. Я знаю, это были вы. И потому что... потому что ко мне приходили. Неделю назад. Спросили про старые архивы, про дело Громова. Я сказала, что ничего не знаю. Но они... они оставили это на моём столе.

Она дрожащей рукой вынула из сумки маленький, смятый листок бумаги и положила на стол. Элизабет развернула его. На нём был напечатан простой текст: «Молчание — тоже соучастие. Время говорить истекло.»

Ни подписи, ни символа. Только угроза.

— Это не полиция, — прошептала Линда Кинг. — И не ФБР. Они... они по другому пишут угрозы.

«Правдолюб», — мгновенно подумала Элизабет. Или кто-то из его круга. Они не просто задавали вопросы в сети. Они уже вышли в реальный мир. И копали именно в ту же точку, что и они — в старую, не зажившую рану дела Морозовой.

— Вам нужно уехать из города, — тихо, но чётко сказала Элизабет. — Сейчас. На несколько недель.

— А если они найдут меня?

— Они ищут правду, — ответила Элизабет, и в её голосе прозвучала горечь. — Пока вы молчите, вы — препятствие на её пути. Если вы исчезнете... возможно, вы перестанете их интересовать. Но вам нельзя оставаться здесь.

Она быстро написала на клочке бумаги номер одноразового телефона и название маленького мотеля в соседнем штате.

— Возьмите это. Уезжайте сегодня. Никому не звоните, ни с кем не связывайтесь. Мы... мы разберёмся с тем, что вы рассказали.

Линда Кинг взяла бумажку, её пальцы дрожали. Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова, поднялась и почти побежала к выходу, оглядываясь через плечо.

Элизабет осталась сидеть, сжимая в руке зловещий листок. «Время говорить истекло.» Слишком знакомый тон. Беспощадный, как бритва.

Её собственный телефон, лежавший на столе, тихо завибрировал. Сообщение от Томаса: «Наш строительный чиновник — полная гнида. Нашёл бывшего инженера, который готов свидетельствовать о подложных отчётах по сейсмостойкости в трёх школах. Деньги пилили, дети в опасности. „Новый Баланс“ уже парит, как коршун. Думаю, у них есть свой информатор в департаменте.»

Элизабет закрыла глаза. Две линии сходились. Старая, кровавая — дело Морозовой. И новая, потенциально не менее кровавая — чиновник, ставящий под удар детей. И где-то между ними — призрак «Правдолюба», с его цифровыми сетями и вопросами из прошлого.

Она поднялась, сунула листок с угрозой в карман. Библиотечная тишина вдруг показалась ей гнетущей, полной невысказанных тайн и спрятанных страхов.

Ей нужно было вернуться в «Лабораторию». Начать копать. Искать связи. Обезвредить одну бомбу, пока другая, более старая и страшная, не взорвалась у них в руках.

По дороге к выходу её взгляд упал на статую Фемиды в нише — копию, слепую, с весами и мечом. Богиня правосудия смотрела в пустоту своим завязанным взором.

«Мы больше не можем позволить себе быть слепыми, — подумала Элизабет, выходя на сырой, пронизывающий ветер улицы. — Ни одна из нас.»

Дождь, наконец, начался. Мелкий, холодный, как слёзы. Город принимал его, не обращая внимания. А в его глубине, в «Лаборатории» и в цифровых подпольях, уже заводились часовые механизмы новых часов. Обратный отсчёт начался.

Глава 3: Цифровой катарсис

Тишину в «Лаборатории» взорвал резкий, механический голос голосового помощника Сары: «Тревога. Активность на Fox News, местный канал. Незапланированное прерывание вещания».

Все бросились к мониторам. На экране, поверх репортажа о благотворительном бале, поплыли зловещие, знакомые строки белого текста на чёрном фоне, выведенные чистым, безличным шрифтом, а не каллиграфическим почерком Арбитра:

«СЕАНС ПРАВОСУДИЯ №1. ОБЪЕКТ: КОРПОРАЦИЯ "CRESCENT CONSTRUCTION". ПРИГОВОР: ЖАДНОСТЬ, ПРЕСТУПНАЯ ХАЛАТНОСТЬ, ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПРЕДЪЯВЛЯЮТСЯ.»

Затем экран разделился. Слева — скан подписанного отчёта о сейсмостойкости школы в South Side. Справа — видео с скрытой камеры: тот же инженер, которого нашёл Томас, получает толстый конверт от человека в костюме с логотипом «Crescent». Под видео — расшифровка их разговора о «небольших отклонениях от нормы». Дальше — выписки со счетов, цепочка офшоров, ведущая к фиктивным фирмам. И финал: фотографии улыбающихся директоров «Crescent» на фоне их новых особняков, а под ними — список школ, построенных с нарушениями. И цифра: 3200 детей ежедневно.

Это не было убийством. Это была казнь репутации. Публичная, тотальная, беспощадная. И, что самое страшное, неопровержимая.

— Господи, — выдохнула Сара, её пальцы летали по клавиатуре. — Он взломал не только Fox. Это синхронная атака. Chicago Tribune, местные новостные агрегаторы, даже рекламные экраны в метро на нескольких станциях. Он... он не оставляет им шанса.

Элизабет смотрела, как на экране мелькали лица, цифры, печати. Метод был другим — цифровым, массовым. Но цель... цель была той же: показать гниль. Выставить её на всеобщее обозрение. Только Арбитр оставлял весы как личный вызов. «Правдолюб» устраивал цифровой крестовый поход.

— Наш инженер, — прошептал Томас, бледнея. — Его голос на записи. Он... он теперь печётся. Его скомпрометировали.

— Его скомпрометировали ещё тогда, когда он взял деньги, — жёстко сказал Дэвис. — Но «Правдолюб» не остановился на нём. Он ударил по всей пирамиде. Смотрите — он выложил не только факты взятки. Он показал систему. Как отдел строительства закрывал глаза. Как судья (именно наш чиновник) отклонял иски родителей. Это... это целая сеть.

На экране трансляция прервалась. Вернулся взволнованный ведущий Fox News. Но ущерб был нанесён. Соцсети уже взрывались хештегами #CrescentCorruption, #OurChildren.

Телефон Элизабет завибрировал. Неизвестный номер.

— Аллю?

В трубке — изменённый, роботизированный голос, без эмоций:

— Ответ принят, детектив О'Коннелл. Ваши доказательства были... недостаточно радикальны. Я показал, как нужно доводить дело до конца. «Crescent» падёт. Их акции уже летят в пропасть. Судья получит повестку. Это эффективно. Это... правосудие. Следующий вопрос: что вы сделаете с тем, что скрывает Линда Кинг? Жду действий. Срок — 72 часа.

Связь прервалась.

Элизабет медленно опустила телефон. Команда смотрела на неё.

— Это он, — сказала Сара. — «Правдолюб». Он следил за нами. Знает про Кинг. Знает, что мы копали.

— И он дал нам срок, — мрачно добавил Томас. — Как Арбитр.

— Нет, — возразила Элизабет, и в её голосе зазвучала новая, холодная нота. — Не как Арбитр. Арбитр мстил. Этот... он проводит чистку. Он использует нас как разведчиков, а сам наносит удар. Мы для него — инструмент. И если мы не будем полезны...

Она не договорила. Все поняли. «Правдолюб» не станет оставлять им веса. Он их просто сотрёт с цифровой карты, как ненужный файл.

— Что делаем? — спросил Дэвис.

— Работаем быстрее его, — сказала Элизабет, поворачиваясь к мониторам. — Сара, всё, что есть по делу Морозовой. Все нитки, все имена. Особенно «фармацевтический кейс». Томас, лети к тому мотелю, проверь, жива ли Кинг. Майкл, ищи любые связи между «Crescent», нашим чиновником и... и Гриффином. Должна быть точка пересечения.

Они разошлись по своим местам, напряжение в комнате стало осязаемым, как запах озона перед грозой. Элизабет подошла к окну. Город за стеклом жил своей жизнью, не подозревая, что его агония транслировалась по всем каналам. Она смотрела на огни, на тёмную ленту озера.

«Правдолюб» был прав в одном — их методы были каплей в море. Его удар был цунами. Но цунами смывало всё на своём пути — и виновных, и свидетелей, и тех, кто пытался удержать баланс. Оно не восстанавливало справедливость. Оно сеяло хаос, в котором правда тонула так же быстро, как и ложь.

Она вернулась к столу, к латунным весам. Положила на одну чашу воображаемую «правду» «Правдолюба» — холодную, цифровую, беспощадную. На другую — свою, кровавую, добытую ценой сломанных жизней. Чаши не дрогнули. Обе были невыносимо тяжелы.

Игра в кошки-мышки закончилась. Началась война алгоритмов. И на кону была уже не одна душа, а душа всего города.

Глава 4: Цветок для слепой

Частная клиника «Уэйкфилд» находилась за городом, среди ухоженных газонов и тихих аллей. Это было место, где богатые и сломленные отсиживались от мира за толстыми стенами и бронированными стеклами. В одной из таких комнат, с видом на японский сад камней, существовала Патриция Хьюз.

Она не жила. Она пребывала. Её разум, разорванный в клочья ночью в пентхаусе, собрали обратно тяжёлыми седативами и терапией. Но склеили криво. Она могла часами сидеть в кресле, глядя в одну точку, вздрагивая от каждого шороха, от каждой тени, похожей на паука. Её роскошные волосы стали тусклыми, лицо — восковым. От прежней высокомерной судьи не осталось ничего, кроме страха.

Новый психотерапевт, доктор Джеймс Прайс, был вежлив, профессионален, невозмутим. Он приходил каждый день, задавал мягкие вопросы, слушал её бессвязный шёпот. Он был островком стабильности в её море ужаса. И поэтому она не видела, как внимательно он изучает не её слова, а её реакции. Как его взгляд, холодный и оценивающий, скользит по ней, будто по интересному клиническому случаю. Что, впрочем, и было правдой.

Однажды утром, после сеанса, медсестра принесла ей в комнату небольшой букет. Не роскошные розы, а скромные полевые цветы — ромашки, васильки. К ним была прикреплена карточка без подписи. Всего два слова, напечатанные: «ПРОЗРЕЙ. ВСПОМНИ.»

Патриция уставилась на цветы, и её дыхание перехватило. Васильки. Глупая, деталь. У её тётки, той самой Анны Морозовой, в саду росли васильки. Она приносила их в дом, ставила в кувшин. Запах пыли, лета и... и той самой кухни, где она, молодая помощница прокурора, решила закрыть дело, даже не взглянув на фото избитой женщины.

Её пальцы задрожали. Она отшвырнула букет, как отшвырнула когда-то папку с делом. Цветы упали на пол, рассыпались. Но запах остался. Слабый, едкий, проникающий в самые потаённые уголки памяти.

— Нет, нет, нет... — забормотала она, зажимая уши. Но голоса было не заглушить. Голос пьяного Гриффина в записи: «...просто какая-то эмигрантка...» Голос Арбитра: «Слепая Фемида прозрела.» И новый, чужой голос, нашептывающий из глубины её собственного сознания, подсказанный этими проклятыми цветами: «А что, если посмотреть? Что, если вспомнить её лицо?»

Она закричала. Тихий, беззвучный крик, застрявший в горле. Медсестра вбежала в комнату, увидела разбросанные цветы и истеричную пациентку. Успокоительный укол вернул Патрицию в привычное оцепенение.

Доктор Прайс, получив рапорт, лишь кивнул. Он подошёл к окну, глядя на сад. Его лицо оставалось спокойным. Он вынул свой телефон, отправил короткое сообщение без текста — лишь геолокацию клиники и цифру «4». Номер дела из старого списка? Или просто порядковый номер цели?

Он не был связан с «Правдолюбом». Его мотивы были иными, более личными, уходящими корнями в тёмное прошлое медицинских экспериментов и сокрытых смертей, где фигурировала и фармацевтическая компания «Valeant», и халатные врачи вроде Роберта Грина. Джеймс Прайс был хирургом, оперирующим память. И Патриция Хьюз была для него не жертвой, а скальпелем. Инструментом, чтобы вскрыть другую, более глубокую и опасную истину.

А в своей комнате, под действием лекарств, Патриция Хьюз видела сны. Не кошмары с пауками. А простой, солнечный двор. Женщину, сажающую васильки. И девочку, которая когда-то верила, что закон — это синоним добра. Она не знала, что это воспоминание или придуманный образ. Но впервые за долгое время в её сломанном разуме, сквозь морок страха, пробивалось нечто иное. Неясное. Мучительное. Похожее на правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.